

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2020.43.32.002

Апелляция к «научности» как принцип легитимизации власти**Васильева Анна Сергеевна**

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: vasanne83@gmail.com

Стрельцов Вадим Вадимович

Кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России,
350005, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ярославская, 128;
e-mail: vvslex@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема легитимизации власти на основании применения научного дискурса. Целью работы является анализ форм апелляции к научности, который позволяет обосновать легитимность властных отношений. Научность в последние столетия выступает важнейшим критерием истинности. Соответственно, классическая наука с ее стремлением соединить теоретическую объективность и практическую полезность создает предпосылки для беспрекословного доверия научному знанию. Наука для современного человечества чаще всего выступает в качестве гаранта объективности, поэтому обращение к ее авторитету, в первую очередь с целью манипуляции для формирования поведения объекта воздействия, является наиболее эффективным. Поэтому можно сократить силовые механизмы воздействия, создавая систему «разрешенного» и «неразрешенного», «допустимого» и «недопустимого», «нормального» и «ненормального». Апелляция к «правильным», «научным» формам разрешения угрожающей, выводящей из зоны комфорта ситуации позволяет получить от человека прогнозируемое поведение. Однако понятие «наука» в отношениях власти имеет номинальный характер и обращается в симулякр, что представляет опасность для того, кто становится целью властного воздействия. Искажение идеи бескорыстного поиска истины, с одной стороны, показывает подчинение ей сложной природы человека, с другой стороны, демонстрирует властный потенциал идеи научности.

Для цитирования в научных исследованиях

Васильева А.С., Стрельцов В.В. Апелляция к «научности» как принцип легитимизации власти // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 4А. С. 9-16. DOI: 10.34670/AR.2020.43.32.002

Ключевые слова

Власть, властные отношения, наука, легитимность, манипуляция.

Введение

Власть осуществляется в различных областях и разнообразными методами. Каким путем можно наиболее эффективно обосновать и легитимировать власть? Последние 150 лет особое доверие вызывает *Наука*. На этот факт обратил внимание М. Фуко, выявив сращение науки и власти в пограничных областях, т. е. в сферах жизнедеятельности людей.

«Научно доказано» – основной аргумент современного человека. Все, что имеет свои основания в научном дискурсе, претендует на истину, потому что наука сегодня рассматривается основным источником непредвзятой правды. «Научно» – значит без учета претензий сторон-участников, независимо, объективно, необходимо и обоснованно. Наука ценится как фундамент адекватного суждения. Наука выражает дискурс истины и определяет содержание нормы, которая упорядочивает и выявляет уровень «правильного» и «неправильного», «соответствующего» и «несоответствующего».

Р. Шайхутдинов в своей работе «Современный политик: охота на власть» пишет: «Построение... знаний о мире – важнейшее... средство власти» [Шайхутдинов, 2006, 37]. Довлеющий дискурс предполагает владение инструментами управления с помощью построения целевых задач, формирования смыслов. Однако это особый тип власти, выходящий за рамки прямого господства. П.П. Гайденко пытается выяснить, как математика, возникшая еще на Востоке – в Древних Египте и Вавилоне, становится наукой, «теоретической системой»: «особенностью древнеегипетской и вавилонской математики было отсутствие в ней (за исключением отдельных элементов) единой системы доказательств, которая впервые появляется именно у греков» [Гайденко, 2000, 7]. Таким образом, «единая система доказательств» становится определяющей для экстраполяций науки и ее дискурса. Это один из главных признаков научности, состоятельности знания.

Основная часть

«Научность» сама по себе оказывается определяющей парадигмой даже в условиях постмодерна, с его «кризисом авторитетов» и «состоянием радикальной плюральности» [Ильин, 2001, 210]. Апелляция к науке не противоречит общечеловеческим установкам на реализм, определяемый нами как адекватное описание и объяснение объективно существующего вещественного мира. Реалистичность – это главное качество науки. Важный показатель для современного человека выражен в полезности. Таким образом, практическая польза определяет одну из сторон научного знания. Однако древнее знание, ставшее предтечей науки, с наличием большого прикладного материала, но при отсутствии теоретического, обобщенного, аксиоматического базиса, не признается в качестве научного. Считается, что именно греки способствовали развитию науки в современном ее понимании. При этом аттики четко очерчивали области компетенции философии и практики.

Новоевропейская философия попыталась объединить теоретические и практические качества науки в их служении человеку. Ф. Бэкон, Р. Декарт признают за наукой ее гуманистическое назначение. Именно в этот период происходит небывалое накопление эмпирических данных. Однако в нашу задачу входит исследование вопросов об использовании «научных» аргументов в целях утверждения неких нормативов и правил человеческой деятельности. Преступание границ нормальности и адекватности есть аргумент не в пользу науки и не в пользу власти еще в большей мере. Общественная система стремится к созданию

форм жизни, уподобленных принципам классической науки, что выражается в возникновении утопизма, система которого изоцируется в способах подавления личностных запросов, не вписывающихся в ее стройные, идеально разработанные схемы.

Под властью мы будем понимать всю совокупность механизмов управления, дистанцированных в различных сферах человеческой деятельности: «Ведь отношения власти существуют между мужчиной и женщиной, между тем, кто знает, и тем, кто не знает, между родителями и детьми, внутри семьи. В обществе имеются тысячи различных властных отношений, а значит, отношений силовых и, следовательно, существует множество мелких противостояний, в некотором роде микросражений. И если верно, что этими малыми отношениями власти руководят, индуцируя их, крупные органы государственной власти или великие институты классового господства, – размышляет М. Фуко, – то все-таки необходимо сказать, что и в обратном смысле всякое классовое господство или государственная структура могут функционировать должным образом, только если в самой их основе существуют эти малые отношения власти. Чем была бы эта государственная власть, власть, которая, к примеру, навязывает воинскую повинность, если бы вокруг каждого индивида не было бы целого пучка властных отношений, которые его связывают с его родителями, с его работодателем, с его хозяином – с тем, кто знает, с тем, кто вбил ему в голову то или иное представление?» [Фуко, 2002, ч. 1, 289]. Власть опоясывает и опутывает все сферы жизнедеятельности человека. Она распоряжается нашими телами и нашим сознанием. Остается ли здесь место для свободы? Естественно! Власть подразумевает наличие свободы. Кроме того, она сама в себе имеет ряд противоречий, представляя как негативные, так и позитивные следствия своих деяний [Васильева, 2012, 1088].

Наибольший интерес для нас будут представлять институты власти, так как лишь они могут использовать весь объем науки в полной мере. Это концентрированные элементы, которые в более неявном виде фигурируют в межличностной сфере. Власть всегда связана с действием, действованием. Носителем Власти является «деятель свободный и сознательный», а свободное и сознательное действие тождественно истинному действию. Власть проявляет себя только в отношении двух и более участников взаимодействия, оказываясь отношением между «действующим» и «страдающим». Как и поздний Л. Витгенштейн, мы вкладываем в понятие власти все возможные обыденные представления.

Наука на службе у власти – выгодное предприятие. Ведь тогда не нужно использовать силовые механизмы господства. Наука экономит ресурсы власти. Хотя это условие является лишь ядром в возможностях осуществления власти, сращение науки и власти демонстрирует высокую эффективность. Власть наиболее эффективна в том случае, если владеет знанием о свойствах предмета. В связи с этим складывается определенный инструментарий воздействия. В условиях множества предметов, над которыми *необходимо* по какой-либо причине распространить господство, требуется некий универсальный инструмент этого господства. Естественно, такая универсальность требует и доли сущностной схожести объектов власти. Это ведет к утверждению единой *внутренней* структуры человеческих существ. Таким образом, *универсальность* есть условие существования как научного, так и властного дискурсов. В.В. Соколов пишет: «Несовершенное существо, каким является сомневающийся и ошибающийся человек, согласно Декарту, с необходимостью требует абсолютно совершенной причины...» [Соколов, 1989, 37]. Само существо человека имеет интенцию улавливать либо приписывать объектам универсальные свойства. Человек в данной культуре рассматривается как носитель «идеалов», которые он необходимо должен воплотить в мире [Плотников, 2017,

742]. Идеалы добра, истины и красоты стали основой контроля над индивидом, причем завуалированно, с помощью его же сознания и бессознательного содержания: «...власть функционирует как *постоянно действующий и стремящийся к максимальной эффективности механизм всеобъемлющего контроля*» [Фуко, 1997, 14]. Это господство не выглядит явным, ибо воля навязывается не извне, а как бы изнутри, через собственное сознание людей, т. е. культура оказывается основным способом осуществления контроля и власти. Последняя проникает везде, словно вспышка, загорающаяся на мгновение, либо как протяженность, плотная и однородная, связывающая своей бесконечной пульсацией субъект и объект власти. В общем, можно выделить «властные ситуации» и «властные отношения», определенные через формальные (начальник и подчиненный) и полуформальные (родители и дети) отношения. «...Действуя *властно*, деятель может менять внешнего ему человека, не испытывая при этом обратного действия, т. е. не изменяясь по ходу своего действия» [Кожев, 2006, 17]. Н. Луман интерпретирует власть как «символически генерализированное коммуникативное средство» [Луман, 2001, 25]. Задача власти заключается в регуляции процессов взаимодействия субъектов, которая строится на методике упрощения, редукции широкого спектра возможностей к крайне узкому горизонту возможных действий. Таким образом, человек сталкивается с «селекционированными», отобранными властью вариантами выбора.

Сила, война реализуют дискурс власти. В таком случае становится явной агрессия, с помощью которой часто желают контролировать не саму жертву нападения, а других агентов. Однако манипуляция такого характера измеряется ресурсами, которые можно отправить на полное уничтожение ради достижения цели. Этим ресурсом может быть и собственная жизнь. Такому типу власти соответствует теория Гегеля, «сводящая отношение Власти к отношению Господина и Раба (Победителя и Побежденного)» [Кожев, 2006, 8]. Здесь Власть выражается в виде Господства, которое достигается в «Борьбе на смерть за “признание” (*anerkennen*)». Два противника ставят перед собою равным образом человеческую цель (не животную, не биологическую): быть “признанным” в своей человеческой реальности, в своем достоинстве человека. Будущий Господин выдерживает проверку Борьбы и Риска, тогда как будущий Раб не сумел перебороть свой страх (животный страх смерти)» [Там же, 29]. Происходит акт «признания» Господства, абсолютной Власти одного над другим, тем, кто покоряется. Таким образом проявляет себя классическое представление о доминанте «человеческого» начала над «животным», «мужского» над «женским», «военного» над «штатским». В примечании на странице 41 своей работы «Власть» А.В. Кожев говорит о Власти Господина как о «сублимированной форме грубой *силы*». Однако сам философ изначально отказывается от отождествления Власти и Силы, точнее, по его мнению, Сила вообще не входит в сферу первой.

Можно выделить два варианта взаимодействия науки и власти: гуманитарный и естественно-научный. Гуманитарный тип связан с описанием и объяснением социальных, политических, межличностных отношений и процессов. Данные концепции ложатся в основание власти в перечисленных областях через апелляцию к онтологии мироустройства. Естественно-научный тип ориентирован на другие основания, хотя цель его совпадает с целью первого типа. Это господство само по себе. Однако «господство само по себе», «абсолютная власть» невозможны в мире относительности, т. е. в пределах человеческого существования. Абсолютная Власть может принадлежать только абсолютному носителю – Богу («точнее, он *должен был бы ее иметь*»), в лице которого представлены все ее причины. Кроме того, властные механизмы (мы используем это словосочетание, так как считаем, что часто сложно различить власть как она есть от ее источников и инструментов) используются для достижения различных

задач, которые состоят в возможности обладать какими-либо средствами, обеспечивающими «жизнь». Таким образом, здесь работает программа, описанная еще Н. Макиавелли в «Государе». Цели человеческой власти замыкаются на корысти и тщеславии. Естественно, власть имеет и позитивные устремления, связанные с сохранением жизненного пространства, с возможностями «упорядочивания» отношений. Последнее дает возможность передавать опыт и знания, руководить направленной деятельностью. Таким образом, власть может иметь две интенции – выживание и благосостояние целого либо выживание и благосостояние некоторой части.

Изначально власть опирается на прямые цели ее носителя, т. е. самого субъекта власти, однако с развитием знания, увеличением населения на Земле власть становится более изощренной. Часто она скрывает свое истинное лицо, даже скрывает себя как Власть. В Новое время происходит эмансипация науки. Она предполагает новые возможности, вырывающие человека из дворянской иерархии. Человек теперь определяется развитостью индивидуального сознания, пониманием своей особенности и значимости. «...Разрушается феодальная общественная структура, индивид освобождается от ранее определявших его образ жизни связей и ограничений... На первое место все больше выступает частный капитал, т. е. индивид ведет себя как отдельный атом...» [Гайденко, 1987, 17]. Человек высвобождает стремление, возможно, изначально ему присущее, к привилегированному положению в этом мире. Он чувствует себя «свободным», даже «свободным» в проявлении своих властных устремлений. Новый Человек может рассчитывать на «достоверное знание», т. е. Науку [Яковлева, Галиченко, 2016, 108]. Она объявлена единственным источником объективного представления о мире. Знания о «сути», разработка эмпирических методов, позволяющих «вскрывать» «содержание» окружающих человека предметов, «несокрушимая вера в рациональность и науку» показательны для либерального модерна [Козловски, 2002, 8]. Полезность – основной показатель знания, в частности науки. Таким образом, наука также становится инструментом для реализации определенных целей.

Ранее мы упоминали концепцию Н. Лумана, в которой власть выступает как регулятор альтернатив выбора. Манипуляция, основанная на здравом смысле, научных доводах, некой доказательности, ориентированной на объективность, экономит силы и делает механизмы власти более продуктивными. Наука сегодня имеет огромный спектр исследований и открытий, вследствие чего сложно охватить и сохранить в сознании весь объем постоянно увеличивающегося знания, поэтому часто обращаются к «имени Науки». В качестве примера ярких проявителей современных типов власти можно привести рекламу, которая идет по российскому телевидению. В ней предлагают йогурт фирмы «Данон». В ролике ссылаются на известного русского ученого и исследователя И.И. Мечникова и его открытия, которые повлияли на появление данного йогурта. Имя великого ученого становится основным принципом преподнесения товара. Однако реклама не ставит перед собой задачу донести истину до человека, она пытается представить в хорошем свете рекламируемый продукт. Для того чтобы заработал механизм, направленный на актуализацию потребности именно в этом предмете, применяются различные методики: «коммуникатор ведет одновременно коммуникацию и метакоммуникацию, в то время как объект воздействия принимает участие только в коммуникации» [Почепцов, 2001, 41]. Под метакоммуникацией понимается возможность задавать «модус передаваемого сообщения». В любом сообщении есть связь не просто с описываемым явлением и ситуацией, но и с культурными смыслами, не выраженными вербально. Они скрываются «между строк», затрагивая потребности, представления и

установки как отдельного человека, так и целых сообществ; они вовлекают человека в мир его переживаний, вынося на поверхность архетипические интенции. Такая ситуация приводит к тому, что объект воздействия совершает требуемые от него действия, воспринимая их как свой свободный выбор. «Профессионал достаточно четко прогнозирует дальнейшее поведение своей аудитории, основываясь на апробации предлагаемых подходов. По этой причине, например, в случае политической кампании все слоганы, рекламные ролики предварительно проверяются на фокус-группах. Обладая подобным метакоммуникативным знанием, находясь одновременно в ситуации коммуникации и метакоммуникации, коммуникатор может настолько точно управлять процессом передачи информации, что уровень достижения нужного результата резко повышается. Прикладное использование коммуникации отличается тем, что в нем оказывается активно задействованным именно метакоммуникативный фактор» [Там же, 42]. Содержание метакоммуникативного уровня в данном случае фундируется на национальных чувствах, гордости за «достижения своей страны».

Заключение

На современном этапе происходит не просто выявление наукой некой нормы, которая определяет возможности действия власти, но и использование «научности» в целях более сложной манипуляции людьми. При этом часто совершается обращение не к реальному содержанию науки, а к ее отдельным фактам, которые являются частью обыденности, не уточняющей реальное содержание науки. Поэтому необходимо обратить внимание на опасность, скрывающуюся за использованием имени Науки для реализации власти над действиями отдельного человека и группами людей. Ведь Наука как Факт истории есть нечто объективное, достоверное, а ее герменевтическая составляющая, заключающаяся в необходимости интерпретировать и объяснять ее специфику лицам, не владеющим категориальным аппаратом, и ее направленность в бесконечность Познания дают возможность современным субъектам диффузной власти манипулировать сознанием человека и явлениями социальной жизни.

Библиография

1. Васильева А.С. Трансформация феномена власти в Новое и Новейшее время // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 75. С. 1085-1099.
2. Гайденко П.П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 319 с.
3. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII-XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени. М.: Наука, 1987. 447 с.
4. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: Интрада, 2001. 384 с.
5. Кожев А.В. Понятие власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
6. Козловски П. Миф о модерне: поэтическая философия Эрнста Юнгера. М.: Республика, 2002. 239 с.
7. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
8. Плотников В.В. Синтез реальности: от сенсуалистического отказа от субстанциальных оснований вещи до общества потребления // Сборник статей по материалам XI Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 95-летию Кубанского ГАУ и 80-летию со дня образования Краснодарского края «Научное обеспечение агропромышленного комплекса». Краснодар, 2017. С. 742-743.
9. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.
10. Соколов В.В. Философия духа и материи Р. Декарта. 1987 // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 3-76.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть: в 3 ч. М.: Праксис, 2002. Ч. 1. 381 с.
12. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. 576 с.

13. Шайхутдинов Р. Современный политик: охота на власть. М.: Европа, 2006. 616 с.
14. Яковлева Е.В., Галиченко А.Ю. Проблема общих теоретических оснований современной науки // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 123. С. 102-112.

The appeal to “scientificity” as a principle of legitimising power

Anna S. Vasil'eva

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of philosophy,
Kuban State Agrarian University,
350044, 13 Kalinina st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: vasanne83@gmail.com

Vadim V. Strel'tsov

PhD in Sociology,
Lecturer at the Department of civil law and procedure,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
350005, 128 Yaroslavskaya st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: vvslex@gmail.com

Abstract

The article examines the problem of legitimising power on the basis of the use of scientific discourse. It aims to carry out an analysis of the forms of the appeal to scientificity, which makes it possible to substantiate the legitimacy of power relations. Scientificity has been the most important criterion of the truth in recent centuries. Classical science, with its desire to combine theoretical objectivity and practical utility, creates preconditions for unquestioning confidence in scientific knowledge. Science for modern mankind most often acts as a guarantor of objectivity, therefore, turning to its authority, mostly for the purpose of manipulation with a view to forming the behaviour of the object of influence, is most effective. Therefore, it is possible to reduce the coercive mechanisms of influence, creating a system of "allowed" and "not allowed", "permissible" and "unacceptable", "normal" and "abnormal". The appeal to the "correct", "scientific" forms of resolving a threatening situation allows one to obtain predictable behaviour from an individual. However, the concept "science" in power relations has a nominal character and turns into a simulacrum, which poses a danger to those who become the target of coercive influence. The distortion of the idea of the unselfish search for the truth shows the subordination of the complex human nature to it and also demonstrates the powerful potential of the idea of scientificity.

For citation

Vasil'eva A.S., Strel'tsov V.V. (2020) Apellyatsiya k “nauchnosti” kak printsip legitimizatsii vlasti [The appeal to “scientificity” as a principle of legitimising power]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (4A), pp. 9-16. DOI: 10.34670/AR.2020.43.32.002

Keywords

Power, power relations, science, legitimacy, manipulation.

References

1. Foucault M. (1954-1988) *Dits et écrits*. (Russ. ed.: Foucault M. (2002) *Intellektualy i vlast'*: v 3 ch., Part 1. Moscow: Praksis Publ.)
2. Foucault M. (1976) *Histoire de la folie à l'âge classique*. Gallimard. (Russ. ed.: Foucault M. (1997) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu*. St. Petersburg.)
3. Gaidenko P.P. (1987) *Evolutsiya ponyatiya nauki (XVII-XVIII vv.). Formirovanie nauchnykh programm novogo vremeni* [The evolution of the concept of science (the 17th and the 18th centuries). The formation of the scientific programs of the new time]. Moscow: Nauka Publ.
4. Gaidenko P.P. (2000) *Istoriya grecheskoi filosofii v ee svyazi s naukoj* [The history of Greek philosophy in its relation to science]. Moscow: PER SE Publ.; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
5. Il'in I.P. (2001) *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. A dictionary of terms]. Moscow: Intrada Publ.
6. Kozhev A.V. (2006) *Ponyatie vlasti* [The concept of power]. Moscow: Praksis Publ.
7. Koslowski P. (1991) *Der Mythos der Moderne: die dichterische Philosophie Ernst Jüngers*. Fink. (Russ. ed.: Koslowski P. (2002) *Mif o moderne: poeticheskaya filosofiya Ernsta Yungera*. Moscow: Respublika Publ.)
8. Luhmann N. (1975) *Macht*. Stuttgart. (Russ. ed.: Luhmann N. (2001) *Vlast'*. Moscow: Praksis Publ.)
9. Plotnikov V.V. (2017) Sintez real'nosti: ot sensualisticheskogo otkaza ot substantzial'nykh osnovanii veshchi do obshchestva potrebleniya [The synthesis of reality: from the sensualistic rejection of the substantial foundations of a thing to the consumer society]. *Sbornik statei po materialam XI Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh, posvyashchennoi 95-letiyu Kubanskogo GAU i 80-letiyu so dnya obrazovaniya Krasnodarskogo kraya "Nauchnoe obespechenie agropromyshlennogo kompleksa"* [Proc. 11th Conf. "Scientific support for the agro-industrial complex"]. Krasnodar, pp. 742-743.
10. Pocheptsov G.G. (2001) *Teoriya kommunikatsii* [The theory of communication]. Moscow: Refl-buk Publ.
11. Shaikhutdinov R. (2006) *Sovremenniy politik: okhota na vlast'* [Modern politicians: hunting for power]. Moscow: Evropa Publ.
12. Sokolov V.V. (1989) *Filosofiya dukha i materii R. Dekarta. 1987 [R. Descartes's philosophy of spirit and matter. 1987]*. In: Descartes R. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., pp. 3-76.
13. Vasil'eva A.S. (2012) Transformatsiya fenomena vlasti v Novoe i Noveishee vremya [The transformation of the phenomenon of power in the early modern and modern periods]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of the Kuban State Agrarian University], 75, pp. 1085-1099.
14. Yakovleva E.V., Galichenko A.Yu. (2016) Problema obshchikh teoreticheskikh osnovanii sovremennoi nauki [The problem of general theoretical foundations of modern science]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of the Kuban State Agrarian University], 123, pp. 102-112.